

T. KELLY, A History of Argos to 500 B. C., Minneapolis, 1976

В последнее время внимание ученых все больше привлекают те греческие государства, которые в классическую эпоху занимали второстепенные позиции по сравнению с ведущими полисами — Афинами и Спартой. Прежде всего это относится к Аргосу. Интенсивные археологические раскопки, проводящиеся на территории Арголиды, дали обильный материал, уже в значительной степени обобщенный в некоторых исследованиях¹. Обнаружены также важные эпиграфические памятники, относящиеся к концу архаического периода². Это позволило ученым, сопоставив археологический материал с данными литературной традиции, попытаться проследить историческое развитие Аргоса, выявить его место в системе греческих городов-государств, эволюцию его социально-экономического и политического строя³.

Рассмотрение книги Т. Келли, новейшего по времени исследования по истории Аргоса, представляется целесообразным еще и потому, что автор, основываясь главным образом на археологическом материале, подвергает критике ряд устоявшихся и получивших широкое признание теорий. Книга состоит из небольшого предисловия и восьми глав. В предисловии автор анализирует некоторые трудности источниковедческого характера, стоящие перед исследователем, и высказывает скептическое отношение к распространенному мнению о том, что между Аргосом и Спартой существовала традиционная вражда, уходящая своими корнями в глубокую древность. Т. Келли считает это мифом, сложившимся в литературе IV в. до н. э.

Первая глава рецензируемой книги посвящена исследованию географии Аргосской долины и ранней истории Аргоса. Выводы Т. Келли о климатических, почвенных и геологических условиях Арголиды основаны на глубоком изучении трудов Т. Лемана, А. Филиппсена, Э. Кирстена и других⁴. Данные археологии, с большой тщательностью собранные автором рецензируемой книги, показывают, что уже в неолитический период в Аргосской долине было не менее восьми поселений. Аргос был естественным центром долины. Сопоставляя археологический материал, датируемый рубежом III—II тыс. до н. э., Т. Келли приходит к важному выводу о том, что в Аргосе не прослеживается ярко выраженный разрыв между раннеэлладским и среднеэлладским периодами (стр. 6). Однако, к сожалению, автор не связывает этот вывод с такой важной проблемой современной греческой историографии, как вопрос о генетических связях населения Греции в III—II тыс. до н. э. Между тем этот вывод можно рассматривать как еще одно доказательство несостоятельности теории разрыва между раннеэлладской и среднеэлладской культурой⁵.

Правда, некоторые поселения Арголиды, такие, как Лерна, Тиринф и Азина, незадолго перед концом III тыс. были разрушены. К сожалению, автор никак не объясняет эти факты, однако археологический материал, полученный во время раскопок Лерны-III и Лерны-IV, позволяет сделать важный вывод о том, что на рубеже III—II тыс. до н. э. появляются не только новые элементы материальной культуры, но со-

¹ P. Courbin, *La céramique géométrique de l'Argolide*, t. 1—2, P., 1966; A. Bovon, *Lampes d'Argos*, P., 1966; J. Deshayes, *Etude Peloponnesiennes 4: Argos: Les fouilles de la Deiras*, P., 1966; J. C. Angel, *Lerna: A Preclassical Site in the Argolid*, Princeton, 1971; R. Hägg, *Die Gräber der Argolis in submykenischer, protogeometrischer und geometrischer Zeit*, Uppsala, 1974.

² L. H. Jeffery, *The Local Scripts of Archaic Greece*, Oxf., 1961.

³ M. Wörle, *Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte von Argos im 5 Jahrh. von Christus*. Diss., Erl-Nürnberg, 1964; R. A. Tomlinson, *Argos and the Argolid from the End of the Bronze Age to the Roman Occupation*, Ithaca, N. Y., 1972.

⁴ H. Lehmann, *Argolis: Landeskunde der Ebene von Argos und ihrer Randgebiete*, Athens, 1937; A. Philippson, E. Kifsten, *Die Griechischen Landschaften*, Bd. 3, 1, Sec. 4, Frankfurt am Main, 1959, стр. 93—154. Не потеряла своей ценности и книга К. Бурзиана (C. Bursian, *Geographie von Griechenland*, Bd. 2, Lpz, 1868—1872), хотя Т. Келли не ссылается на нее.

⁵ Детальный анализ этой проблемы и важнейшие аргументы в пользу этого положения приводит Т. В. Блаватская. См. ее работы: *Ахейская Греция во II тыс. до н. э.*, М., 1966, стр. 35; *Греческое общество II тыс. до н. э. и его культура*, М., 1976, стр. 26—43, особ. стр. 35—39.

храняются также и старые традиции⁶. В течение среднеэлладского периода происходила борьба между Аргосом и Микенами за преобладание, в результате которой лавры первенства достались Микенам. Несмотря на это, археологические работы на Ларисе, в урочище Дейра и на главном некрополе показали, что Аргос оставался сравнительно большим поселением, расцвет которого приходился на время между 1450 и 1230 гг. Керамика и металлические вещи, встречающиеся в захоронениях, свидетельствуют о связях с Критом⁷. Анализируя материал некрополя, Т. Келли ограничивается только данными археологии. Между тем не менее интересные сведения дает антропологическое исследование скелетов, содержащихся в некрополе. Основные выводы французского антрополога Р. Шарля, который изучал эти скелеты, сводятся к тому, что основная масса населения Арголиты во II тыс. оставалась стабильной. Наблюдалось постепенное возрастание материального уровня жизни (средний возраст у женщин до 40 лет, у мужчин до 45 лет)⁸.

Сложной и нерешенной остается проблема политических связей между микенскими центрами вообще и в Арголите в частности. Автор совершенно правильно оспаривает утверждение В. Р. Десборо о политическом единстве микенской империи⁹. Действительно, дешифровка М. Вентриса не обнаружила никаких следов этого гипотетического *mikenische Grosskönigtum*. Вместе с тем Т. Келли не придает значения процессу централизации, который имел место в Микенской Греции. Наибольшего успеха он достиг в Мессении (Пилос) и в Арголите (Микены и Аргос). Правда, окончательно этот процесс не завершился и к началу Троянской войны. По-видимому, политическое объединение в Арголите и за ее пределами находилось в стадии становления и носило временный характер, обусловленный необходимостью осуществления общеахейских мероприятий¹⁰. Незадолго перед концом XIII в. данные археологии обнаруживают в Арголите следы волнения и ожидания какого-то бедствия. В конце XIII — начале XII в. произошли разрушения в Микенах, Тиринфе и Мидее, а Просумна, Лерна и Бербати были совершенно опустошены. В начале XII в. население в Аргосской долине осталось только в Микенах, Тиринфе, Аргосе и Азине. Вместе с тем находки в Аргосском некрополе бронзовых и золотых вещей, а также слововой кости свидетельствуют о том, что Аргос не был полностью истощен. Сохранились даже некоторые следы восточного влияния (стр. 14—15). Вопрос о дорийском переселении Т. Келли уделяет незначительное внимание, отметив, что наше представление о дорийцах все еще основывается только на литературной традиции. Мало что дает для решения этой проблемы аргосский некрополь, изученный в последнее время¹¹.

Последний вопрос, который возникает при анализе данной части книги Т. Келли — это вопрос о городах в Микенской Греции. Автор совершенно не рассматривает эту проблему в своей работе и, по-видимому, этим объясняется та путаница в терминах, применяемых Т. Келли при характеристике Аргоса: он называет его и поселением

⁶ J. L. Caskey, Lerna in the Early Bronze Age, *AJA*, vol. 72, 1968, стр. 313—316; Блаватская, Греческое общество..., стр. 37—38.

⁷ Выводы Т. Келли основаны на глубоком изучении работ выдающегося археолога и историка В. Фольграффа, Т. Дезеэ, а также П. Курбэна, который исследовал главный некрополь Аргоса.

⁸ R. P. Charles, *Étude anthropologique des nécropoles d'Argos*, P., 1963, стр. 1—78, табл. 1—20; Блаватская, Греческое общество..., стр. 42—43.

⁹ В. Р. Десборо (V. R. Desborough), *The Last Mycenaean and their Successors. An Archaeological Survey 1200—1000 B. C.*, Oxf., 1964) довел до логического завершения предположение Эд. Мейера о возможном господстве микенской династии над всем Пелопоннесом и ближайшими к нему островами (см. Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, Bd. 2, Stuttgart, 1892, стр. 169, 188).

¹⁰ Проблемы политических взаимоотношений между крупными и мелкими центрами ахейской Греции широко обсуждаются в западноевропейской (см. E. Vermeule, *Greece in the Bronze Age*, Chicago, 1964, стр. 232—237; C. G. Thomas, *A Mycenaean Hegemony? A Reconsideration*, *JHS*, vol. 90, 1970, стр. 184—192) и в советской исторической литературе (см. С. Я. Лурье, *Язык и культура Микенской Греции*, М.—Л., 1964, стр. 215; Блаватская, *Ахейская Греция...*, стр. 155 сл.; Ю. В. Андриеев, *Раннегреческий полис*, Л., 1976, стр. 40—50).

¹¹ Charles, *ук. соч.*, стр. 72—73.

(settlement) и городом (city). Проблемы эволюции градостроительства в Микенской Греции широко дебатуются в современной литературе¹². Учитывая выводы исследователей, вытекающие из анализа археологического материала, по-видимому, можно думать, что в Аргосе поселение городского типа (stadt-dorf) оформилось в середине поаднеэлладского периода XIV—XIII вв. до н. э. Однако наметившееся с конца XIII в. ослабление экономических связей и возобновление родо-племенных отношений, обусловленное распадом микенских дворцовых государств с их сложным бюрократическим аппаратом, привело к исчезновению такого рода поселений, не успевших окончательно превратиться в городские центры.

Дорийское вторжение открыло новый период в истории Греции. Время с конца XII до начала VIII вв. до н. э. принято называть «темным периодом» греческой истории. В течение длительного времени мы знали об этом периоде главным образом благодаря археологическому материалу, найденному в Афинах¹³. Однако за последние 20 лет данные археологии, иллюстрирующие этот период, в значительной степени пополнились благодаря интенсивным раскопкам в Арголиде. Анализу найденного материала, характеризующего «темные века» в истории Аргоса, посвящена вторая глава рецензируемой книги (стр. 19—37). В соответствии с принятой в настоящее время археологической периодизацией XII—XI вв. в истории Греции приходится на субмикенский период. Одним из районов, где была найдена субмикенская керамика, является Аргос и Арголида. Субмикенский материал здесь найден частично в камерных гробницах, которые были типичными для микенского времени, частично в так называемых «ящичных» могилах (cist tombs) или в обычных могилах, вырытых в земле (earth-cut). В этом, как справедливо отмечает автор, можно видеть доказательство того, что в Аргосе в субмикенский период местное население сосуществовало вместе с дорийским (стр. 23).

С конца XI в. субмикенский период уступает свое место новому протогеометрическому периоду, продолжавшемуся около 150 лет (1050—900 гг.). До недавнего времени основополагающей работой по истории этого периода была книга В. Р. Десборо¹⁴, написанная главным образом на основе археологического материала, полученного из афинского Керамика. В настоящий момент археологи располагают протогеометрическим материалом, найденным в 50 захоронениях Аргоса, а также в Микенах, Тиринфе, Азине, Лерне и Навплии¹⁵. В. Десборо верил, что протогеометрический стиль, впервые появившись в Аттике, затем распространился в другие районы Греции. Несмотря на то, что это мнение получило широкое признание, оно, как отмечает Т. Келли, не согласуется с новейшими археологическими данными (стр. 27). Протогеометрический материал из Арголиды оказался более своеобразным, чем предполагал В. Десборо. С 900-х годов протогеометрический стиль стал перерастать в зрелый геометрический, продолжавшийся в течение 200 лет. Сравнивая геометрическую керамику, найденную в Арголиде и в Аттике, Т. Келли делает важный вывод о том, что «темный период» Аргоса не был копией «темного периода» Афин (стр. 30—31). Металлические изделия (бронзовые, золотые и железные), найденные в различных местах Греции (в том числе и в Арголиде) и датируемые протогеометрическим и геометрическим временем, свидетельствуют, как отмечает Т. Келли, о том, что Аргос в течение «темного периода» превратился в один из передовых центров (стр. 32). Вместе с тем автор рецензируемой книги прав, указывая на ошибочность утверждения некоторых исследователей, согласно которым аргивяне уже в это время имели широкие экономические связи (стр. 33).

¹² Я. А. Ленцман, Рабство в микенской и гомеровской Греции, М., 1963, стр. 132 сл.; Блаватская, Ахейская Греция..., стр. 115 сл.; Андреев, Раннегреческий полис..., стр. 20, прим. 41. См. там же указания на иностранную литературу.

¹³ W. K r e i k e r, K. K ü b l e r, Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen 1: Die Nekropolen des 12. bis 10. Jahrh., В., 1939; K. K ü b l e r, Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen 5: Die Nekropolen des 10. bis 8. Jahrh., В., 1954.

¹⁴ V. R. D e s b o r o u g h, Protogeometric Pottery, Oxf., 1952.

¹⁵ Т. Келли указывает на обширную литературу, где опубликован весь этот археологический материал (стр. 27, прим. 24).

Специальную главу Т. Келли посвящает выяснению роли Аргоса в «темный период» Греции (стр. 38—50). Главная мысль, которую он высказывает уже в самом начале главы, заключается в том, что большинство современных попыток реконструировать раннеаргосскую историю, основанные на данных литературной традиции, в основе своей «неверно истолковывают роль, которую играл Аргос в течение „темного периода“ Греции» (стр. 38). Противопоставляя данные археологии литературной традиции, автор по отношению к ней часто высказывает гиперкритические суждения. Между тем негативное отношение к литературным источникам создает преграды на пути к конструктивному решению некоторых социально-политических проблем аргосской истории. Древнейшее литературное свидетельство, которое можно использовать для доказательства существования в микенское время союзного объединения во главе с Аргосом, мы находим в гомеровском Каталоге кораблей (II. II, 559—568). Т. Келли, отказавшись от какого-либо анализа этого текста и приведя лишь противоречивые суждения современных исследователей о его происхождении и исторической ценности, приходит к выводу, что «лучше этот сюжет совершенно опустить, так как Гомер был прежде всего поэтом, а не историком» (стр. 39). С этим выводом автора едва ли можно согласиться. Для каждого исследователя, изучающего раннегреческое общество, поэмы Гомера — источник первостепенной важности. В «Илиаде» в большей степени, чем в «Одиссее», отразился элемент исторического рассказа о подлинных событиях. Некоторые части поэмы, как отмечают исследователи, производят впечатление объективного исторического повествования, и наиболее известным примером подобного рода стал Каталог кораблей, который содержит многочисленные элементы микенской исторической традиции¹⁶. Сопоставляя данные археологии с гомеровским текстом Каталога, следует признать, что дуализм Аргоса и Микен, о чем повествует II песнь «Илиады», не противоречит исторической действительности.

Такое же скептическое отношение Т. Келли выказывает и к тексту Геродота. Так, например, он утверждает, ссылаясь на Ю. Белоха, что известное свидетельство Геродота, согласно которому Аргос контролировал с древних времен западное побережье Аргосского залива, включая мыс Малею и остров Киферу (Herod. I, 82), является ни чем иным, как реминисценцией Гомера (II. II, 108) (стр. 40). Ссылка на авторитет Ю. Белоха в данном случае не может дать ожидаемого эффекта, поскольку главной особенностью концепций этого выдающегося ученого было часто гиперкритическое отношение ко многим сведениям, касающимся раннегреческой истории. Комментаторы Геродота, однако, полагают, что в этом тексте не следует усматривать отражение известных гомеровских строк¹⁷.

Вывод некоторых исследователей о том, что в течение «темного периода» Аргос был центром обширной империи, в состав которой входили территории не только в Пелопоннесе, но и далеко за его пределами, — безусловно, грешит большим преувеличением. Мы вполне согласны с большей частью критических замечаний автора рецензируемой книги. Однако собственный вывод Т. Келли, согласно которому Аргос был маленьким самодовлеющим поселением, не имеющим никакого влияния за пределами собственной территории (стр. 115), свидетельствует о том, что автор, возражая против одной крайности, впадает в другую. Его мнение противоречит не только данным литературной традиции, но и археологическому материалу, глубокий анализ которого Т. Келли продемонстрировал в предыдущих главах.

Середина VIII в. до н. э. была поворотным пунктом греческой истории: возобновились контакты с Востоком, появилась письменность, получила распространение эпическая поэзия. Социально-экономические и политические процессы в большей части греческого мира завершились формированием полисной организации. История Аргоса в это время мало чем отличалась от истории остальной Греции. Автор рецензируемой книги, подробно исследуя важнейшие проблемы консолидации Аргосской долины, отдает предпочтение анализу экономических факторов (стр. 52—72). Как показывают

¹⁶ А н д р е е в, Раннегреческий полис..., стр. 47—49, прим. 4—11; стр. 122—123.

¹⁷ W. H. o w, J. W e l l s, A Commentary on Herodotus, vol. I, Oxf., 1912.

данные археологии, в Арголиде в рассматриваемый период наблюдались резкое увеличение населения и общий подъем ремесла. Особенно заметным был подъем в развитии керамического и металлического производства. Расцвет аргосской геометрической керамики приходится на середину VIII в. до н. э., правда, следует отметить, она не стала предметом широкого экспорта (стр. 57). Соглашаясь с этим выводом, приходится с сожалением отметить, что Т. Келли не касается некоторых важных причин, обусловивших это явление. В частности, он совершенно умалчивает о той роли, которую играли Коринф и Спарта в VIII—VII вв. как общепризнанные центры производства керамики¹⁸. Что касается Аргоса, то он, как отмечает автор, и в этот период был ведущим центром по производству металлических изделий. Этот вывод находит свое подтверждение как в литературной традиции, так и в археологии¹⁹.

Рост населения, развитие ремесла и расширение экономических связей несомненно способствовали превращению Аргоса в политический и религиозный центр Арголиды. Война как средство утверждения господства более сильных поселений над более слабыми в VIII в. до н. э. становится обычным явлением. В этой связи разрушение Аргосом Азины, население которой не было доризировано (Herod., VIII, 73; Paus., IV, 34, 9—12), Т. Келли совершенно справедливо рассматривает как неслучайное событие (стр. 60 сл.). В это время, как известно, и Спарта вела борьбу за утверждение своего господства в Лаконике.

Другим важным фактором, свидетельствующим о превращении Аргоса не только в политический центр, но и в религиозный, является строительство храмов²⁰. Данные литературной традиции позволяют сделать вывод о возникновении в течение VIII в. религиозно-политического союза во главе с Аргосом. Этот союз включал не только общины Арголиды, но и некоторые территории за ее пределами (Сикион, Эгина и некоторые общины Аркадии)²¹. Т. Келли подвергает сомнению существование этого союза на том основании, что археология пока не дает нужных доказательств в его пользу: он отрицательно относится и к имеющейся литературной традиции (стр. 67). Вместе с тем автор утверждает, что религиозным центром Аргосской долины был храм Геры (Герейон), расположенный между Аргосом и Микенами (стр. 68). В литературных источниках храм Геры обычно рассматривается как общее святилище Аргоса и Микен. Большинство же исследователей, не отрицающих реальность этого союза, считают, что религиозным центром его был культ Аполлона. Общины, входившие в состав религиозно-политического союза, возглавляемого Аргосом, не составляли того, что иногда называют Argivische Grossreich. Внутреннее единство этого союза было довольно слабым.

О социально-политической организации аргосского общества в рассматриваемый период наука располагает немногими данными. Резюмируя их и характеризуя вкратце сущность царской власти, а также значение фил и фратрий как важнейших социальных институтов полиса, автор опирается главным образом на выводы Ч. Старра и М. Вёрле²². В экономической и политической жизни Аргоса в рассматриваемый период, как показывает погребальный и инвентарь захоронений Аргоса, Тиринфа и Навплии,

¹⁸ H. P a u n e, *Necrocorinthia*, Oxf., 1931; он же, *Protokorinthische Vasenmalerei*, B., 1933; он же, *Perachora*, Oxf., 1940; Ed. W i l l, *Korinthiaka*, P., 1955; K. M. D a w k i n s, *The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta*, L., 1929; E. A. L a n e, *Laconian Vase-Painting*, ABSA, vol. 34, 1934, стр. 99—189.

¹⁹ H e r o d., IV, 152; A t h e n., I, 28с; P i n d., Ol. VII, 83; ср. J. C h a r b o n n e a u x, *Les bronzes grecs*, P., 1961, стр. 74; A. M. S n o d g r a s s, *The Dark Age of Greece*, Edinburgh, 1971, стр. 269 сл.

²⁰ W. V o l l g r a f f, *Études Péloponnésiennes 1: Le sanctuaire d'Apollon Pythéon à Argos*, P., 1956; J. D e s h a y e s, *Argos: Les fouilles de la Deiras*, P., 1966, стр. 2—3, 8—9, 13—14.

²¹ H e r o d., I, 82; VI, 92; VIII, 73; P a u s., IV, 8, 3; 14, 3; VI, 12, 9; VIII, 22; 23, 1; 27, 1; S t r a b o, VIII, 372—377; ср. G. B u s o l t, *Die Lakedaimonier und ihre Bundesgenossen*, Lipsiae, 1878, стр. 82—91; J. W e l l s, *Studies in Herodotus*, Oxf., 1923, стр. 27; H. T. W a d e - G e r y, CAH, III, 1925, стр. 539 сл.; H. B e n g t s o n, *Griechische Geschichte*, München, 1969, стр. 80.

²² Ch. G. S t a r r, *The Decline of the Early Greek Kings*, «Historia», 10, 1961, стр. 129—138; он же, *The Origin of Greek Civilisation 1100—650 B. C.*, N. Y., 1961; M. W ö r l e, *Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte von Argos im 5 Jhrh. v. Chr.*,

проанализированный Т. Келли, доминирующее положение занимала аристократическая знать (стр. 70—74).

Специальную главу автор посвящает исследованию важнейших особенностей истории Аргоса в VII в. до н. э. (стр. 73—93). Прежде всего Т. Келли пытается опровергнуть распространенное мнение о том, что в это время уже существовала вражда между Спартой и Аргосом. Большую часть литературных сведений о положении Аргоса в VII в. до н. э. Т. Келли считает недостоверными. Учитывая, что археологический материал Арголиды, относящийся к VII в., довольно беден, как это утверждает и автор (стр. 77), необходимо к литературным источникам относиться более внимательно. Они позволяют утверждать, что соперниками Аргоса в VIII в. были Спарта, Коринф, Сикион и Афины. В VII в. началась Вторая Мессенская война, в которой на стороне мессенцев в борьбе против Спарты выступали аргосцы, элейцы, писаты и аркадцы. Этими сведениям вполне можно доверять, поскольку они восходят к Тиртею, современнику и участнику Второй Мессенской войны (Strabo, VIII, 4, 10). Кроме того, ими несомненно пользовался и Геродот, утверждающий, что традиционными врагами Спарты были аркадцы, мессенцы и аргосцы (Herod., V, 49). На основании другого сообщения Геродота можно сделать вывод о том, что очень рано возник конфликт между Спартой и Аргосом из-за Кинурии, жители которой оказались под властью аргивян (Herod., VIII, 73), так как все западное побережье Аргосского залива вплоть до середины VI в. находилось в руках Аргоса (Herod., I, 82).

Учитывая эти замечания Геродота, мы считаем неоправданным скептическое отношение Т. Келли (стр. 76, 87) к свидетельству Павсания о битве при Гисие в 669 г., в которой аргосцы одержали победу над лакедемонянами, стремившимися распространить свое влияние на Кинурию (Paus., III, 7, 5; II, 24, 7). Утверждение аргосского влияния в Сикионе относится к глубокой древности. Во Второй Мессенской войне аргосские и сикионские отряды вместе помогали мессенцам (Paus., IV, 15, 7; 17,2; 27,2). Согласно Геродоту (V, 67—68), Сикион освободился от аргосского контроля лишь во время правления тирана Клисфена в нач. VI в. до н. э. С Афинами Аргос пришел в столкновение вследствие того, что выступил на стороне Мегар и Эгины в их борьбе с Афинами в VII—начале VI в. до н. э. (Herod., V, 86—87; Hesych., FGrHist 390 F. 1).

Данные археологии не противоречат тем выводам, которые вытекают из литературных источников. Наибольший интерес представляет керамика. В конце VIII — начале VII в. до н. э. в расписной греческой керамике утверждается так называемый ориентализирующий стиль. На передний план выдвигаются такие важные центры керамического производства, как Коринф, Спарта и Афины. В аргосской керамике, как отмечает автор, восточное влияние не получило широкого распространения (стр. 78). Здесь в течение первой половины VII в. субгеометрический стиль сменился своеобразным протоаргосским стилем. Однако последний просуществовал не более одной декады и исчез также внезапно, как и появился. Фактически во второй половине VII в. производство аргосской керамики стало резко сокращаться. Она не могла конкурировать с керамикой протокоринфского и коринфского стилей. Арголида оказалась насыщенной коринфской продукцией. Итак, несомненно, Аргос, испытывая экономическое давление со стороны Коринфа, не мог равнодушно смотреть на рост его могущества.

Рассматривая вопросы хронологии правления Фидона, Т. Келли отмечает, что современные исследователи предлагают несколько дат, которые укладываются в период с середины VIII до середины VI в. до н. э. Свой вывод он основывает на информации Геродота (VI, 127) и датирует правление этого аргосского царя концом VII — началом VI в. до н. э. Однако его интерпретация этого сюжета Геродота вызывает некоторые возражения. Прежде всего следует отметить, что текст Геродота не дает точной датировки. Рассказ о свадьбе дочери сикионского тирана Клисфена Агаристы, одним из женихов которой был Леокед, сын Фидона, приведен Геродотом в экскурсе в историю Алкмеонидов (Herod., VI, 125—131). Среди женихов упоминается Алкмеонид Мегакл, который

München, 1964, стр. 11—18. В советской литературе о роли царской власти и о значении фил и фратрий в период формирования раннегреческого полиса см. Андреев, Раннегреческий полис..., стр. 46—96.

и стал мужем Агаристы. Отец Мегакла Алкмеон, как передает Геродот, посетил Креза. Однако Алкмеон (победитель 47-й Олимпиады 592 г. до н. э., см. *Herod.*, VI, 125; *Pind.*, *Pyth.* VII, 14) посетил Сарды в начале VI в. около 580 г. и поэтому не мог встретиться с Крезом, который правил в 560—546 гг. Тирания Клисфена в Сикионе закончилась, как считает большинство исследователей, в 570/65 гг. В 90-е годы VI в. Клисфен участвовал в священной войне (*Paus.*, II, 9,6; X, 37,6; *Pind.*, *Nem.* IX, 2). Неизвестно, до этой войны или после он начал борьбу против Аргоса, в результате которой Сикион добился независимости (*Herod.*, V, 67—68). Не ясно, когда могла состояться свадьба Агаристы, если она действительно имела место, — до войны с Аргосом или после нее. Итак, Леокед мог прибыть в Сикион между 600 и 570 гг. до н. э. Но в таком случае текст Геродота не противоречит тому, что отец Леокеда Фидон жил и правил в Аргосе в середине VII в. до н. э. Тем более, что и другие сообщения в упомянутом рассказе о свадьбе Агаристы заставляют нас принять именно эту дату.

Геродот сообщает, что Фидон, тиран Аргоса, ввел в Пелопоннесе меры веса (*τά μέτρα*). Впоследствии Аристотель и Эфор, сочинением которого пользовался Страбон, дополняют свидетельство Геродота сообщением о проведении Фидоном монетной реформы (*Arist.*, *Ath. Pol.* 10, 1—2; *Strabo*, VIII С. 358, 376). Текст Аристотеля Т. Келли отвергает на том основании, что его «крайне трудно интерпретировать» (стр. 101, прим. 25). Свидетельство Эфора он считает недостоверным, так как его приводит автор IV в. до н. э. (стр. 94, 104). Что же касается сообщения Геродота, то, по его мнению, термин *τά μέτρα*, употребляемый историком, обозначает только систему мер длин и емкости и не имеет никакого отношения к системе весов (стр. 101). С этим, однако, нельзя согласиться. Термин *τά μέτρα* Геродот несомненно употребляет в значении системы мер и весов. В Афинах, как отмечает Аристотель (*Ath. Pol.* 51, 2), было 10 метрономов (*μετρονομοί*), которые наблюдали за всеми мерами и весами. Если Фидон ввел новую систему мер и веса, то вполне понятно, что с этим должна быть связана и монетная реформа.

Учитывая все сказанное выше, мы считаем, что сведениям Аристотеля и Эфора вполне можно доверять, внося в них лишь некоторые уточнения. В сообщении Аристотеля, как показывают новейшие исследования, первая часть его свидетельства, где он связывает сесахфию с реформой мер, весов и монеты, действительно создает ряд трудностей для интерпретации²³. Наиболее ясной является вторая часть его сообщения, согласно которой Солон заменил эгинскую монетную систему, введенную Фидоном и получившую распространение в Аттике, на эвбейско-ионийскую. Монетная реформа Солона проведена в самом начале VI в. Поэтому учреждение Фидоном эгинской монетной системы вполне можно отнести, как это признает большинство современных исследователей, к середине VII в. до н. э. Таким образом, свидетельство Геродота вместе с другими данными источников подтверждает широко распространенное в литературе мнение о том, что Фидон жил и правил в середине VII в.

Говоря о внутренней политике Фидона, Т. Келли справедливо отмечает, что она остается для нас тайной. Особое внимание автор уделяет вопросу о природе власти Фидона: был он царем или тираном. Геродот называет его тираном (VI, 127), авторы IV в. Эфор и Феопомп говорят о нем как о царе (*Ephor.*, *FGrHist* 70 F 115; *Strabo*, VIII, 3, 33). Аристотель считал, что Фидон начал свою деятельность как царь, но потом стал тираном (*Pol.* 1310 b). Т. Келли основывается на мнении Геродота и рассматривает Фидона как одного из раннегреческих тиранов (стр. 115). Между тем Геродот называет аргосского царя тираном прежде всего за его жестокость²⁴. Фидон не был узурпатором власти, наподобие других тиранов, но получил власть по наследству, так как известно, что он был десятым потомком Темена (*Strabo*, VIII, 3,33; *Ephor.*, *FGrHist* 70 F 115).

Рассматривая внешнюю политику Аргоса в период правления Фидона, автор не доверяет данным литературной традиции о широкой военной активности Фидона на том

²³ *Benngston*, *Griechische Geschichte*, стр. 123, прим. 3.

²⁴ Со времен Геродота Фидон в греческой историографической традиции был наделен чертами, сближающими его образ с тиранами (см. А. И. Д о в а т у р, Повествовательный и научный стиль Геродота, Л., 1957, стр. 53).

основании, что они происходят от писателей позднего времени. Автор не совсем прав, потому что уже Геродот, как отмечалось выше, называет Фидона самым жестоким из всех эллинов. Эта мысль затем повторяется у Страбона (VIII, 3,33) и у Павсания (VI, 22). Эта жестокость может в равной мере характеризовать как его внутреннюю, так и внешнюю политику. О внутривластной деятельности Фидона, кроме упомянутых выше реформ, нам практически ничего не известно. Несколько лучше мы информированы о внешней политике Аргоса в это время. Кроме известного замечания Геродота о том, что Фидон изгнал элейских судей и руководил олимпийскими состязаниями, у него есть и другие сведения, отмеченные нами выше, из которых можно заключить, что власть Аргоса распространялась на все восточное побережье Пелопоннеса, включая Кинурию, мыс Малею, о-в Киферу, а также Эгину и Эпидавр. И хотя Геродот во всех этих случаях не упоминает имени аргосского царя, тем не менее этому фактору не следует придавать столь большое значение, как это делает Т. Келли (стр. 117). Фидон был последним аргосским царем, который мог удерживать за собой эти владения. После его смерти Аргос стал их терять и постепенно превратился во второстепенное после Спарты в Пелопоннесе государство.

Особое внимание Т. Келли обращает на взаимоотношения Аргоса с Коринфом, Сикионом и Спартой. Опираясь на данные археологии, Т. Келли утверждает, что между Аргосом и Коринфом в VII—VI вв. имели место тесные экономические связи, поэтому сведения литературной традиции о неудачных попытках Фидона подчинить Коринф автор отвергает (стр. 118). Между тем археологический материал, как уже отмечалось выше, указывает скорее на экономическую зависимость Аргоса от Коринфа в VII—VI вв. до н. э. Именно поэтому Фидон, осуществляя реформу мер и весов, а также чеканку монет, старался создать экономический противовес Коринфу. Вместе с тем не исключено, что он мог применить против Коринфа также и военную силу, о чем сообщают Плутарх (Moral. 772d — 773b) и Николай Дамасский (FCrHist 90F35).

Важным свидетельством, указывающим на враждебные отношения Коринфа, Спарты и Сикиона к Аргосу, являются антидорийские настроения, ярко проявившиеся в Пелопоннесе с середины VII в. Они легко прослеживаются в деятельности Кипселидов Коринфа, в борьбе Клисфена Сикионского против Аргоса и дорийской знати, а также в политике Спарты, которая, желая объединить под своей властью дорийские и недорийские полисы, стала претендовать на роль наследницы державы Агамемнона, представляя дело таким образом, что центром ее была не Арголида, но Лаконика²⁵. Учитывая все сказанное выше, мы, вопреки утверждению Т. Келли (стр. 128), должны признать, что Сикион не был единственным врагом Аргоса в Пелопоннесе в VII — начале VI в. до н. э.

Заключительная глава книги посвящена краткому обзору истории Аргоса в VI в. до н. э. Автор исследует наиболее детально два вопроса — конец царской власти в Аргосе и воедный конфликт со Спартой. Анализируя первую проблему, автор использует важные эпиграфические доказательства, в частности три архаические аргосские надписи, датируемые временем между 575 и 550 гг. до н. э. В надписях речь идет о появлении в Аргосе коллегии демиургов, наделенной высшими прерогативами власти. Сравнивая эти надписи с данными литературной традиции, Т. Келли приходит к выводу, что в обстановке обострения спартанско-аргосских конфликтов, начавшихся в первой половине VI в., в Аргосе пала царская власть и утвердилось господство аристократии, выразителем интересов которой и была коллегия демиургов (стр. 131 сл.). Вместе с тем Т. Келли признает, что эпиграфические данные и литературная традиция единодушны также и в том, что в V в. в Аргосе существовала царская власть. Стараясь преодолеть это противоречие, Т. Келли замечает, что в результате поражения, которое аргосцы потерпели от Спарты в битве за Фирею в 546 г., аристократы потеряли свое влияние и в

²⁵ Неоценимую услугу в этом оказали Спарте поэты середины VI в. до н. э. Так, например, Стесихор и Симонид в угоду спартанским чувствам утверждали, что дом Агамемнона находился в Лакедемонии (см. Schol. Eur. Or. 46); Пиндар также связывает резиденцию Агамемнона с Амиклами и указывает на лаконское происхождение Ореста, сына Агамемнона (P i n d., Pyth. XI. 16; 32; Nem. XI, 34).

Аргосе снова установилась царская власть. Вывод Т. Келли — одно из возможных решений проблемы, поскольку оно не опровергает широко распространенное мнение о том, что царская власть в Аргосе после смерти Фидона, потеряв свой авторитет, продолжала сохраняться вплоть до V в. до н. э.

Характеризуя взаимоотношения Спарты и Аргоса в рассматриваемый период, Т. Келли считает, что конфликт между ними завершился полным разгромом Аргоса в битве при Сепее. Соглашаясь с этим, следует, однако, отметить, что, хотя Т. Келли безоговорочно принимает в качестве даты этого поражения 494 г. до н. э., тем не менее нет полной уверенности в правильности этой датировки²⁶.

Завершая рецензию, хотелось бы отметить, что, хотя автор нередко и высказывает гиперкритические суждения в отношении литературных источников, чем вызвано наше несогласие с некоторыми его выводами, тем не менее его исследование обладает многими бесспорными достоинствами. Т. Келли обобщил и проанализировал обильный археологический материал, полученный при раскопках в Арголиде. Это позволило ему в значительной степени уточнить многие высказанные прежде точки зрения. Не ограничиваясь исследованием только политической истории Аргоса, Т. Келли, насколько позволяют ему данные источников, пытается разрешить и некоторые социально-экономические проблемы. Эта книга, безусловно очень нужная, знакомит читателя с современным состоянием изучения важнейших проблем аргосской истории.

В. М. Строгоцкий

²⁶ См., например, G. D a u x, Kleomenes, «Der kleine Pauly», Bd. III Stuttgart, 1969, стб. 242. На неточность этой датировки недавно указал и А. Гарви (A. F. G a r v i e, Aeschylus Supplices: Play and Trilogy, Cambr., 1969, стр. 148). Мы считаем наиболее приемлемой датой разгрома Аргоса 520 г. Это подтверждается при более глубоком изучении сведений Геродота и других литературных источников, а также при сопоставлении их с данными археологии и топографии Аргоса.